

Eugene Vasilyev

Żytomierski Państwowy Uniwersytet im. Iwana Franki, Ukraina

ОДЕССКИЙ И ВОЛЫНСКИЙ ТЕКСТЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – XX ВВ.: «ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ»?

Об Одесском тексте (ОТ) написано немало: свой вклад в изучение его общих мотивов и поэтичных черт, а также функционирования в творчестве отдельных писателей внесли Ростислав Александров, Белла Верникова, Олег Губарь, Елена Каракина, Олег Кудрин, Наталья Лищенко, Анна Мисюк, Марк Найдорф, Татьяна Свербилова, Людмила Скорина, Борис Херсонский, Алена Яворская и мн. др.

Волынский текст (ВТ) исследован пока гораздо меньше. Само понятие ввела в литературоведческий обиход луцкий профессор Луиза Оляндэр. В своей монографии¹ и ряде статей² она исследует черты Волынского текста и специфику его существования в произведениях, принадлежащих к украинской и польской литературе XIX – XX вв. В то же время «русский Волынский текст» и его проявление в текстах русской словесности привлекал внимание исследователей³ недостаточно.

¹ Л.К. Оляндэр, *Волинський текст в українській та польській літературах (XIX–XX ст.)*, Луцьк 2008, 250 с.

² Л. Оляндэр, *Волинський текст у термінологічній системі: принципові риси і художньо-естетична своєрідність* [у:] Проблеми славистики: наук. часоп., голов. ред. В. С. Зубович, Луцьк 2005, Чис. 1 (4), с. 17-21; Оляндэр Л. *Леся Українка і волинський текст* [у:] Леся Українка і сучасність: зб. наук. пр.; редкол.: М. Г. Жулинський [та ін.], Луцьк, 2006. Т. 5, с. 186-195; Оляндэр Л. *Драматичні поеми Йосипа Струцюка «Роман» і «Романовичі» та Волинський текст* [у:] Вісник Житомирського державного університету ім. І.Я. Франка, Вип. 30, Житомир 2006, с. 120 – 123; Оляндэр Л. *Василь Слалчук і Волинський текст* [у:] *Studia methodologica*: наук. зб., гол. ред. Р. Гром'як, Тернопіль 2007, Вип. 19, с. 265-271.

³ См.: Оляндэр Л.К. *Демоніологічний роман О. Кондратьєва «На берегах Ярыни» і Волинський текст* [у:] Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации: [сборник]; отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно 2008, с. 8-13; Jewgienij Wasiljew. *Tekst wołyński w literaturze rosyjskiej XIX-XX wieku* [w:] *Tekstualia. Palimpsesty Literackie Artystyczne Naukowe*, Warszawa 2013, № 2 (33), s. 5-28; Васильев Е.М. *В.Г. Короленко – творець Волинського тексту в рускій літературі* [у:] Наукові записки Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленко, Випуск 3, Полтава 2016, с. 17-33.

Как и ОТ, ВТ имеет долгую, почти двухвековую историю в русской литературе. В результате второго раздела Польши (1793 г.) правобережная Украина (в том числе и историческая Вольнь) вошла в состав Российской империи. Наряду с колонизацией украинской территории начинается постепенное, достаточно неспешное литературное освоение. В ВТ парадоксально, но органично переплелись эпохи (периоды Российской империи и польский (1921 – 1939), советский (до 1991 г.) и украинский) и хронотопы (античный и еврейский, идиллический и демонологический, древнерусский и пасхальный), столкнулись оппозиции (природа и культура, древнее и современное, свое и чужое, христианство и язычество), объединились топоры и локусы (храм и развалины, лес и поле, дом и вода), синтезировались жанры (рассказ и очерк, сонет и дружеское послание, поэма и эпистола). Объединяет же ВТ таких самобытных его творцов, как Федор Глинка и Николай Гоголь, Владимир Короленко и Александр Куприн, Александр Кондратьев и Иван Кулиш, Лев Гомолицкий и Константин Оленин, Лидия Сеницкая и Вера Рудич, Андрей Белый и Саша Черный, Велимир Хлебников и Николай Гумилев, Алексей Н. Толстой и Василий Гроссман, Исаак Бабель и Илья Эренбург...

1. О различиях

1.1. **Древнее / современное.** В ОТ основанный в 1794 г. город воспринимался русскими писателями как город современный и европейский, город новый и живой, город возможных новаций. Вспомним пушкинские строки об Одессе из «Путешествия Онегина»: «Там всё Европой дышит, веет, Всё блещет югом и пестреет Разнообразностью живой»⁴. В литературе XIX в. Одесса представляла городом «опьяняющей новизны и открытости»⁵, по выражению Анны Мисюк. А в XX веке Юрий Олеша признавался: «В Одессе я научился считать себя близким к Западу. В детстве я жил как бы в Европе»⁶.

Вольнь – древняя земля. В составе Древнерусского государства она находилась с середины X века. Одесса – город молодой (в этом году он отпраздновал 222 года). В связи с этим, безусловно, ощутимо едва ли не самое магистральное различие двух текстов. Если представители ВТ нередко обращаются к солидной истории своего края, то одесситы воспринимают свой город как сугубо современный. Одним из первых

⁴ А.С. Пушкин, *Евгений Онегин* [в:] Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 5, М.-Л., с. 204.

⁵ *Образ Одессы: от литературной к криминальной?* Беседа с Анной Мисюк [в:] <http://moryakukrainy.livejournal.com/606742.html>.

⁶ <http://odesskiy.com/o/olesha-jurij-karlovich.html>.

русских писателей – создателей Волынского текста Федор Николаевич Глинка (1786–1880) вводит в него *исторический хронотон*, связанный с долгой и драматичной историей древней Волыни:

Отвсюду открытую, сию полистую область топтали быстроногие кони жадных Татар. Сюда целые орды Крымцов налетали как вороны и сердитые наездники Запорожские, везя смерть за седлом и гибель на сабле, грозили Панам в их великолепных замках, брали дань с поселян и резали Жидов беспощадно...⁷.

Примечательно, что фраза про «сердитых наездников Запорожских» перекликается с эпизодом, изображенным и в стихотворении Глинки «Набег запорожских козаков из Сечи на Вольнь» (оно посвящено эпизоду из жизни казаков XVII в., которые скачут на замок богатого волынского пана).

Приметами исторического волынского хронотона является наличие бинарных оппозиций: *мир – война, древнее – современное*. В. Короленко, описывая замок князей Любомирских в Ровно, отмечает его древний характер: «Он был окружен высокими пирамидальными тополями и имел чудесный вид живописной древности»⁸. Этот хронотон широко представлен и в более поздних волыньских текстах (например, в очерке Льва Гомолицкого «История одного родства. Гальшка, княжна Острожская и Дмитрий Сангушко», поэмах Ивана Кулиша «Святогор», «Святой Сергей Радонежский», «Весенние зовы», ряде стихотворениях Александра Кондратьева⁹).

1.2. С оппозицией «древнее – современное», разделяющей два текста, связана еще одна – *глушь / суета*. Если для ОТ присуще осознание новизны, открытости, современности, живой суетливой и предприимчивой

⁷ Ф. Глинка, *Воспоминания* // http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0240oldorfo.shtml.

⁸ В.Г. Короленко, *Собрание сочинений в пяти томах*, Т. 4, Ленинград 1990, с. 143.

⁹ Мотив древней Волыни был сквозным для творчества Александра Кондратьева («иду... вдоль древних плит твоих»; стихотворение «Прости, Вольнь! Прости, тенистый сад...»). Примечательно, что древний волыньский хронотон для Кондратьева, петербуржца по рождению и культуре, противостоит одному из составляющих петербургского космогонического мифа – креативного, мифа об отделении суши от моря, укрощении стихий и строительстве города. Сопоставление Волыни древней и современной присутствует также в кондратьевском стихотворении «Ты знаешь край холмистый и счастливый». Поэт не случайно обращается к древнерусскому хронотому. Древний Дорогобуж (первое летописное упоминание о нем восходит к 1084 г.), где он гостил, а впоследствии, в межвоенный период (с 1919 по 1939 г.), и жил, в конце XI – XII вв. был административным и политическим центром области Погорынья, а во второй половине XII – первой половине XIII веков становится одним из наиболее значительных городов Юго-Западной Руси. Недалеко от бывшего имения Красовских и сейчас расположены мощные земляные укрепления древней крепости, это и есть остатки средневекового города.

жизни, то для ВТ характерно ощущение глуши, захолустья, оторванности от культурных центров.

Творцы ОТ и в XIX, и в XX столетии создавали образ торгового, шумного портового города, города частной инициативы. Пушкинские строки из «Евгения Онегина» прекрасно характеризуют одесскую атмосферу того времени: «Глядишь – и площадь запестрела, Всё оживилось; здесь и там Бегут за делом и без дела, Однако больше по делам»¹⁰.

А вот свидетельство из XX века. Писатель и драматург Алексей Вознесенский (1880 – 1939) отмечал:

Одесса была городом сугубо торговым, кишевшим коммерцией и биржей. Не склонные к философскому умозрению жители любили все практически упрощать. Обладая необычайно развитой жизненной сметкой, одессит привык считать себя исключительным разумником¹¹.

Как замечает Анна Мисюк, «Одесса – вольный торговый город, с которым имеем дела иначе, чем со всей Российской империей. Она была воротами, и воротами совсем по-другому устроенными. Одесса – это место, где для русской культуры слишком много частного, инициативного, такого нахального собственного мнения. Она во всем этом живет, как в оазисе, и постепенно переходит в то, что нам дала уже зрелая литература и записи конца XIX – начала XX века – в образ города художеств»¹².

Среди главных мотивов ВТ – глушь, захолустье, глубоко провинциальная, «островная» жизнь, казалось бы, не предназначенная для высокой жизни духа. В нем возникают *хронотоп глуши* и *топос развалин*. Родоначальником топоса развалин можно считать Федора Глинку («И вот развалины одне Дымятся в утреннем рассвете»¹³). Этот топос также сыграет немаловажную роль в ВТ русских писателей. Так, повесть В. Короленко «В дурном обществе» открывается описанием уездного городка (под вымышленным топонимом «Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок» изображен город Ровно)¹⁴:

¹⁰ А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*, с. 206.

¹¹ Цит. по: Верникова Б. *Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому* [у:] http://www.odessiclub.org/publications/almanac/alm_56/alm_56-241-252.pdf

¹² *Образ Одессы: от литературной к криминальной?* Беседа с Анной Мисюк [у:] <http://moyakukrainy.livejournal.com/606742.html>

¹³ Ф. Глинка, *Стихотворения*, Ленинград 1951, с. 126.

¹⁴ Сам Короленко прямо указывал в одной из своих автобиографий, что Ровно, «этот небольшой городок... с его тихой жизнью и дремлющими развалинами старинного княжеского «палаца» на острове, – совершенно точно описан в рассказе «В дурном обществе» (Короленко В.Г. *Собрание сочинений в шести томах*, Т. 2, Москва 1971, с. 325).

Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и представляло все типические черты любого из мелких городов Юго-западного края, где, среди тихо струящейся жизни тяжелого труда и мелко-суетливого еврейского гешефта, доживают свои печальные дни жалкие останки гордого панского величия.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной «заставой». Сонный инвалид, порыжелая на солнце фигура, олицетворение безмятежной дремоты, лениво поднимает шлагбаум, и – вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах темными воротами еврейских «заезжих домов», казенные учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками, столами евреев-менял, сидящих под зонтиками на тротуарах, и с навесами калачниц. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот еще минута и – вы уже за городом. Тихо шепчутся березы над могилами кладбища, да ветер волнуется хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа. Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове – старый, полуразрушенный замок¹⁵.

Все в этом унылом пейзаже дышит захолустным застоєм и замшелостью, разрухой, ленью и уездной дремотой. Все здесь наводит тоску и уныние: узкая речушка и шатающийся мост через нее, серые заборы и белые стены казенных зданий, грязные вонючие улицы и пыльные пустыри. Если польский род, владеющий городком (имеется в виду род князей Любомирских), и гордый, то «захудалый»; если пруды, то мелеющие, зарастающие зеленью, «сонные» и «заплесневевшие»; если замок, то «полуразрушенный»; если «лучшее архитектурное сооружение города», то непременно «тюрьма». А порыжелая фигура сонного инвалида, лениво поднимающего шлагбаум, вырастает до размеров символа этого сонного и унылого медвежьего угла и представляет собой, по выражению писателя, «олицетворение безмятежной дремоты»¹⁶.

¹⁵ В.Г. Короленко, *Собрание сочинений в шести томах*, Т. 2, 1971, с. 5-6.

¹⁶ Примечательно, что в главе «Уездный город Ровно» из «Истории моего современника» В. Короленко мы встречаемся с весьма схожим описанием городка, впервые представшему взору героя. «Тюрьма стояла на самом перевале, и от нее уже был виден

Если попытаться свести волинский текст Короленко к одному понятию, то его можно было бы охарактеризовать названием первой главки повести «В дурном обществе»: «Развалины». Понятие это весьма символично и многообразно. С одной стороны, развалины представляют собой весь облик заштатного городка. С другой, под развалинами понимаются не только строения, но и люди: «Изредка только старый граф, такая же мрачная развалина, как и замок на острове, появлялся в городе на своей старой английской кляче». Кроме того, «развалины» создают своеобразный вариант эсхатологического мифа, присущего некоторым городским текстам русской литературы (к примеру, петербургскому). Ведь именно «старый замок» (в повести описан полуразрушенный к тому времени дворец князей Любомирских, находившийся рядом с гимназией, где учился В. Короленко) изображен не обителью роскоши и достатка, а прибежищем парий общества, бродяг и нищих:

Живет в замке» – эта фраза стала выражением крайней степени нищеты и гражданского падения. Старый замок радушно принимал и покрывал и перекатную голь, и временно обнищавшего писца, и сиротливых старушек, и безродных бродяг. Все эти существа терзали внутренности дряхлого здания,

город, крыши домов, улицы, сады и широкие сверкающие пятна прудов... Грузная коляска покатила быстрее и остановилась у полосатой заставы шлагбаума. Инвалидный солдат подошел к дверцам, взял у матери дорожную и унес ее в маленький домик, стоявший на левой стороне у самой дороги. <...> Полосатое бревно шлагбаума закрипело в гнезде, и тонкий конец его ушел высоко кверху. Ямщик тронул лошадей, и мы въехали в черту уездного города Ровно.

Эти «заставы», теперь, кажется, исчезнувшие повсеместно, составляли в то время характерную особенность шоссеных дорог, а характерную особенность самих застав составляли шоссеные инвалиды николаевской службы, доживавшие здесь свои более или менее злополучные дни... Характерными чертами инвалидов являлись: вечно-дремотное состояние и ленивая неповоротливость движений... Команда этих путейских инвалидов представляла сословие, необыкновенно расположенное к философскому покою и созерцательной жизни. И теперь, когда в моей памяти оживает город Ровно, то неизменно, как бы в преддверии всех других впечатлений, вспоминаются мне пестрое бревно шлагбаума и фигура инвалида в запыленном и выцветшем сюртуке николаевских времен. Инвалид непременно сидит на обрубке у шлагбаума, со спиной, точно прилипшей к полосатому столбу. На голове у него тоже порывельный и выцветший картуз с толстым козырем, рот раскрыт, и в него лезут назойливые дорожные мухи... <...> видя только пыльную ленту шоссе, страж заставы опять садился и мирно засыпал... И было в этой дремотной фигуре что-то символическое, – точно прообраз мирного жития провинциального городишка...» (Короленко В.Г. *Собрание сочинений в пяти томах*, Т. 4, с. 143-144). Как видим, два описания уездного городка представляют собой своеобразные «близнечные тексты» с характерными для них повторяющимися реалиями (тюрьма, шлагбаум, инвалид), приметами глуши и застоя («вечно-дремотное состояние и ленивая неповоротливость движений») и символами бессобытийной захолустной жизни («И было в этой дремотной фигуре что-то символическое, – точно прообраз мирного жития провинциального городишка»).

обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили, чем-то питались, – вообще, отправляли неизвестным образом свои жизненные функции¹⁷.

В повести Короленко возникают иные значения «топоса развалин», сыгравших немаловажную роль во всем русском ВТ. В контексте ровенских «развалин» формируется целый ряд значимых для этого текста уже в XX веке бинарных оппозиций: *жизнь / смерть, природа / цивилизация, древнее/ современное* и др. Например, в четвертой главке повести содержится описание «экскурсии» юных героев на старое заброшенное кладбище.

Только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших травую могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок¹⁸.

Здесь примечательны контрастные и в то же время органичные сопоставления примет жизни и смерти, старого и нового, разрушения и обновления. Суетная жизнь птиц в старой часовне, «густая зелень» на развалинах гробниц, пробивающиеся цветы на заброшенном кладбище, – всё это служит приемами утверждения жизни на фоне царства смерти и разрушения (в том числе и разрушения самой смерти – заброшенного, «неживого» кладбища)¹⁹.

¹⁷ В.Г. Короленко, *Собрание сочинений в шести томах*, Т. 2, с. 9.

¹⁸ Там же, с. 30.

¹⁹ Отметим, что в короленковской «Истории моего современника» вновь можно встретить тексты-двойчатки по отношению к его первой волынской повести. Например, в упомянутой главе «Уездный город Ровно» (Книга первая. Часть третья) содержится изображение тех же развалин дворца Любомирских: «Несколько больших прудов, соединенных тихими речушками, залегали в широкой ложбине, и городок расположен был по их берегам. Наша усадьба была на стороне городской. Напротив, на острове, по преданию, насыпанном искусственно пленными турками, стоял полуразвалившийся дворец князей Любомирских, в старопольском полуготическом стиле. Он был окружен высокими пирамидальными тополями и имел чудесный вид живописной древности. На левой стороне пруда – беленькое, веселое, с портиком и колонками – стояло двухэтажное просторное здание гимназии. И угрюмый «замок», и светлая колоннада гимназии точно в зеркале отражались в воде. Вдали, под другим берегом, отчетливо рисуясь на синеве и зелени, плавали лебеди, которых я тогда видел в первый раз. Они оставляли за собой длинные светлые полосы, долго потом стоявшие на сонной неподвижной глади...» Впрочем, в тексте из «Истории...» уездный город Ровно, во многом, возможно, благодаря не только смене дискурса, но и большей дистанцированности от объекта воспоминаний, изображен не столь мрачно и уныло. Скорее, тут можно найти начатки поэтизации и мифологизации города, как и всей Волыни в целом, имевшей место в более поздних произведениях В. Короленко и его последователей – творцов ровенско-волынского текста. Кроме повторяющихся примет русского Волынского текста, среди которых постоянно присутствующий в творчестве писателя

Глушь, захолустье, развалины неизменно сопровождают ВТ и в ХХ в. Показательно, например, стихотворение с говорящим названием «Среди развалин» волынского поэта начала ХХ в. Константина Оленина, продолжающее в стихотворной форме развитие глинковского и короленковского топоса развалин: «Среди развалин я и Ты Мы бродим бледные, как тени, И, упавая на колени, Целуем страшные кресты. У входа нас никто не встретит; Разрушен дом, ушла вода... Никто сиротам не ответит Из разоренного гнезда»²⁰. В некоторых оленинских стихотворений отображен и хронотоп глуши: «Сегодня на самом глухом перекрестке Предместья, – рождественский, солнечный день»²¹ («В лучах»). Наиболее же полно этот хронотоп, связанный с состоянием отрезанности и заброшенности, представлен в произведении под характерным названием «В глуши».

С Волынской глушью были связаны детские годы Велимира Хлебникова. Когда будущему «Председателю Земного Шара» было шесть лет, его отца перевели по службе в село Подлужное Ровенского уезда Волынской губернии, в бывшее имение князей Чарторыйских (в селе находились развалины их дворца). Семья провела здесь четыре года. Сестра поэта, художница Вера Хлебникова вспоминает: «Там было приволье, река Горынь, чудный парк, запущенные цветники, всевозможные развалины... Это заставляло работать детское воображение, и Витя упорно утверждал изумлённым братьям, что у него своё королевство и каждый день за ним прилетает белый лебедь». Сам Хлебников в автобиографической заметке сообщает: «Жил на Волге, Днепре, Неве, Москве, Горыни»²². А в своем мифопоэтическом рассказе-автобиографии «Нужно ли начинать рассказ с детства?..» он вспоминает годы, проведённые на Волыни: «старый сад, столетние яворы», руины дворца Чарторыйских, «весеннюю охоту на осетров величиною с иголку», телегу, «заваленную телами молодых вепрей», и косой кабаний бивень,

мультикультурализм, мы найдем в ней и тот же «топос развалин», причем и здесь представлены отмеченные выше бинарные оппозиции. Так, если в главе «Отъезд», предшествующей «Уездному городу Ровно», автор просто фиксирует: «На рассвете, не помню уже где именно, – в Новоград-Волыньске или местечке Корце, – мы проехали на самой заре мимо развалин давно закрытого базилианского монастыря-школы... (Короленко В.Г. *Собрание сочинений в пяти томах*, Т. 4, с. 141); то в главе «Первый спектакль» (Книга первая, Часть вторая) мыслит оппозициями: «... нашу семью нельзя было назвать чисто русской. Жили мы на Волыни, то есть в той части правобережной Малороссии, которая дольше, чем другие, оставалась во владении Польши. К ней всего ближе была железная рука князя Еремы Вишневецкого. Вишневец, Полонное, Корец, Острог, Дубно, вообще волыньские городки и даже иные местечки усеяны и теперь развалинами польских магнатских замков или монастырей... *Стены их обрушились, на проломах густо поросли плющи, продолжающие разъедать старые камни...*» (курсив наш – Е.В.) (Короленко В.Г. *Собрание сочинений в пяти томах*, Т. 4, с. 95-96).

²⁰ К. Оленин, *Несколько слов*, Сарны – Ровно, 1939, с. 7.

²¹ Там же, с. 15-16.

²² Велимир Хлебников, *Творения*, Москва, 1986, с. 641.

лежавший на отцовском столе²³. Прямые отголоски детства в Подлужном можно обнаружить и в хлебниковском стихотворении «Из песен гайдамаков»: «Мы ж, хлопцы, весело заржем И топим камнями в глубинах Чартория²⁴. А волынские поверья и легенды, безусловно, отобразились во многих стихотворениях Хлебникова, связанных со славянским фольклором, мифологией и демонологией («Перуну», «Ночь в Галиции», «Вила и Леший», «Лесная тоска» и др.).

1.3. Река / море. Важнейшими топосами двух текстов являются топос моря в ОТ и топос реки в ВТ. «Море казалось частью города. – писал И. Эренбург в очерке «Одесса». – Ветер как бы доносил вместе с запахами пряностей видения далеких стран, иных материков. Одесса рождала мореплавателей и поэтов»²⁵. Как видно уже из этой цитаты, с темой моря неразрывно связана тема морских путешествий, дальних странствий, романтических приключений. По словам И. Бабеля, «в Одессе каждый юноша – пока он не женился – хочет быть юнгой на океанском судне. Пароходы, приходящие к нам в порт, разжигают одесские наши сердца жаждой прекрасных и новых земель»²⁶. Море в ОТ – прекрасное и безбрежное, шумное и пахучее, разноцветное и изменчивое, разнообразное и непостижимое. «С Черноморской улицы открывалось море – великолепное во всякую погоду»²⁷; «Я не понимал, как Овидий мог считать Черное море угрюмым. Это было одно из самых ярких и веселых морей»²⁸.

Вспомним морской пейзаж, изображенный глазами героя повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Пети:

Сколько бы ни смотреть на море – оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное. Оно меняется на глазах каждый час. То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно ярко-синее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То под свежим ветром становится вдруг темно-индиговым, шерстяным, точно его гладят против ворса. То налетает буря, и оно грозно преобразается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По грифельному небу летают с криками чайки. Взбаламученные волны волокут и швыряют вдоль берега глянцевитое тело дохлого дельфина. Резкая зелень горизонта стоит зубчатой стеной над бурными облаками шторма. Малахитовые доски прибора, размашисто исписанные беглыми зигзагами пены, с пушечным

²³ Там же, с. 542-543.

²⁴ Там же, с. 79.

²⁵ И. Эренбург, *Одесса* [в:] Красная звезда, 1942, 9 августа, <http://mywebs.su/blog/history/28687/>

²⁶ И. Э. Бабель, *Собрание сочинений в 4 томах*, Москва 2005, т.1, с. 58.

²⁷ Константин Паустовский, *Время больших ожиданий* [в:] Паустовский К.Г. Книга скитаний, Кишинев 1979, с. 21-22.

²⁸ Там же, с. 142.

громом разбиваются о берег. Эхо звенит бронзой в оглушенном воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов. Но главное очарование моря заключалось в какой-то тайне, которую оно всегда хранило в своих пространствах. Разве не тайной было его фосфорическое свечение, когда в безлунную июльскую ночь рука, опущенная в черную теплую воду, вдруг озарялась, вся осыпанная голубыми искрами? Или движущиеся огни невидимых судов и бледные медлительные вспышки неведомого маяка? Или число песчинок, недоступное человеческому уму? Разве, наконец, не было полным тайны видение взбунтовавшегося броненосца, появившегося однажды очень далеко в море?²⁹

Образ моря в ОТ связан также с традиционным для романтической эстетики мотивом чистоты («Близкое присутствие моря возвратило миру свежесть и чистоту, как будто бы сразу сдуло с парохода и пассажиров всю пыль»³⁰), олицетворением человеческой жизни, а также с мотивом свободы:

Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и как воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них – к третьим. И так вдруг выдбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать³¹

Следует обратить внимание на связанные с топом моря образы **кораблей** (пароходов, барок, шхун, шаланд и т.д.), ключевых, к примеру, для поэзии Семена Кесельмана³²: «А мне бы к морю – к пристаням каналов, Где корабли, застывши у причалов, Грустят, как я...» («Вечерний город»); «И в час, когда в порту безлюдном, Чернея, стынут корабли» («Когда улицы пусты»); «печальные барки в порту» («Барки»); «И море древнее, седое Бросает к черным скалам нас» («Корабельная песня»), «Корабль безвестный был черен, как ночь» («Ночная баллада») и др. Подобные многозначные, нередко антропоморфные образы-символы не встречаются в ВТ.

Во многих произведениях ВТ изображена могучая и прекрасная река Горынь (стихотворения А. Кондратьева, И. Кулиша, Л. Сеницкой). Например, одно из кондратьевских стихотворений начинается так: «Где меж лугов змеится в даль Горынь И в струи светлые глядятся сонно ивы, Где тихо зыблются и золотятся нивы И так прекрасна ласковая синь Твоих

²⁹ В. Катаев, *Белеет парус одинокий* [в:] Катаев В.Б. Собрание сочинений в 10 томах, Т. 4, Москва 1984, с. 13-14.

³⁰ Там же, с. 38.

³¹ М. Жванецкий, *Год за два*, Ленинград 1991, с. 67.

³² Семен Кесельман, *Стеклянные сны*, Одесса 2013, 236 с.

небес, красавица Волянь...»³³ Пожалуй, главным Волынским «речным текстом» является «демонологический роман» Кондратьева «На берегах Ярыни». Он насыщен образами из славянской мифологии и фольклора. Действие романа происходит на берегах вымышленной речки Ярыни (в этом названии усматриваются две реальных волынских речки – Горынь и Ярунь), в самой реке, в окружающих болотах и лесах, в ближнем селе Зарецком. Среди действующих лиц романа – как крестьяне, так и демонологические персонажи (Водяной, Домовой, Леший, ведьмы, русалки, древний идол Перун). Роман Кондратьева представляет собой не только своеобразную энциклопедию славянского фольклора и языческой мифологии, но и обнаруживает тесную связь древних верований с жизнью и бытом волынских деревень.

Потамонимы (названия волынских рек) «Случь», «Иква», «Горынь» находим в стихотворении Лидии Сеницкой-Волынцевой «Волянь». Оно представляет собой образец довольно любопытного «ностальгического хронотопа», типичного для ее творчества, хотя и достаточно редкого во всем русском ВТ:

В храме столетнем, что хвойные главы
Взнес в неподвижную горную синь, –
Благостна тишь у колонн величавых,
Вспоенных почвой твоею, Волянь!
В топях за Случью, зеркальной и спящей,
Розово-желтый Полесья убор, –
Пряных азалий набрать бы средь чащи,
Чары змеиные встретив в упор...
Омут за омутом быстрым считая,
Бресть берегами твоими, Горынь,
С Иквой дойдя до холмистого края,
Взором окинуть простор твой, Волянь³⁴.

Встречаются и негативные картины волынских рек, как и волынской природы в целом. Короленко в приведенных выше неприглядных пейзажах уездного города пренебрежительно называет ровенскую реку Устье «речушкой» («Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик»). Она вовсе не связана с течением жизни – наоборот, скорее, лишена ее, превращаясь в болото: «Речка... вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными глазами и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие густые камыши волновались, как море, на громадных

³³ А. Кондратьев, *Боги минувших времен*, Москва 2001, с. 171.

³⁴ Цит. по: Кулиш-Лукашевич И.В. *Поиски и находки. Из истории русского движения на Воляни 20-30-х гг. XX в.*, Ровно 2010, с. 215.

болотах». А в рассказе Короленко «Без языка», открывающейся картиной волынской природы, есть такая фраза: «Там и сям, особенно под лучами заходящего солнца, сверкают широкие озера, между которыми змеятся узенькие, пересыхающие на лето речушки»³⁵. Сравним эти змеящиеся «узенькие, пересыхающие на лето речушки» и змеящуюся обильную полноводную Горынь из волынского стихотворения А. Кондратьева.

Негативных речных картин много и у Льва Гомолицкого, прошедшего 15 лет своей жизни в древнем Остроге. «Темные тучи» и «суровая вода» проходят сквозь всю волынскую лирику Гомолицкого. Они способствуют созданию достаточно мрачных картин природы (причем, не только волынской), аккомпанирующих меланхолическому душевному состоянию лирического героя, которое можно выразить начальной строкой его стихотворения: «Гроза в душе и ад в груди». Тучи у юного поэта всегда «черные», «мрачные», «хмурые» (стихотворение «Тучка», написанное еще в Петрограде), «темные» («Ночь мрачно лежит над землею»), «печальные» («Печальное небо, печальные тучи...»). Река (изображена, очевидно, протекающая в Остроге Вилия), в отличие, например, от могучей и прекрасной Горыни в стихотворениях А. Кондратьева, И. Кулиша, Л. Сеницкой, также полна коннотаций («суровая», «тихая», «ненастная»), создающих «негативный пейзаж»:

Печальное небо, печальные тучи...
 Над речкою тихой стою в вышине.
 Бесцветна равнина и горные кручи;
 Ни ветра, хоть зыбь по ненастной реке.
 Стою, и в душе пустота и ненастье:
 Ни слез нет, ни смеха, желания нет,
 К всему в ней земному одно безучастье,
 Постылы ей люди, природа и свет³⁶.

Волынский текст первой книги Гомолицкого преимущественно печален, мрачен, зловещ и безучастен.

2. О сходствах

2.1. Идиллический хронотоп. И для ОТ, и для ВТ XIX – XX веков характерны сходные изображения провинциальной идиллии, природного и материального изобилия, покоя, сытости и т.п. «...Но солнце южное, но

³⁵ В.Г. Короленко, *Собрание сочинений в шести томах*, Т. 4, Москва 1971, с. 5.

³⁶ Л. Н. Гомолицкий, *Сочинения русского периода*, В 3 т., под общей редакцией Л. Флейшмана, Т. 2, Москва 2011, с. 235.

море... Чего ж вам более, друзья? Благословенные края!»³⁷ Родную Одессу мастерски поэтизирует М. Жванецкий:

Нет, что-то есть в этой почве. Нет, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю, в этом голубом небе, в этой зелени акаций и платанов, в этих теплых вечерах, в этих двух усыпанных огнями многоэтажных домах, один из которых медленно отделяется от другого и пропадает. Нет, что-то есть в этих людях, которые так ярко говорят, заимствуя из разных языков самое главное³⁸.

В «Воспоминании» и «Письмах русского офицера» Глинки найдем характеристику края и ее обитателей:

Полистая Волынь – Италия Польши. Она усеяна замками; украшена прелестными садами. Стада и табуны находят там тучную паству, а земледelec благодарную землю, возрастающую десятирицею вверенное ей зерно. Довольство видно там в хижинах; богатство блещет в домах; гостеприимство повсеместно. Буг, Горен и Днестр, вместе со множеством других речек, усыряя землю, доставляют большие пользы лугам и нивам и великие средства торговли³⁹.

И в других фрагментах «Писем...» можно найти упоминания об этой абсолютной волынской идиллии («стада волов плодоносной Волыни»⁴⁰). Трогает автора и атмосфера волынского города Ровно:

Я не ожидал найти такого большого собрания в таком маленьком городке!... Какой обширный, красивый, узорчатый сад! Тут вся роскошь Итальянской природы, вся затейливость и простота Английских парков. Тут всякое чувство, любезное человеку, выказало себя каким-нибудь памятником.

В этом первом известном нам образце «ровенского текста» писателя поражает то, что кроме захолустной волынской идиллии обретаются и следы цивилизации, культуры, причем самой разнообразной. Изображая княжну Любомирскую, Глинка с восторгом отмечает: «Сколько умного, сколько сердечного говорили эти уста! – Я не знавал еще девицы учнее Княж. Л. <...> Все приятные дарования – ее собственность. С кистию – живописец; за клавиром – музыкант. – Иногда возьмет у брата скрипку – и смычок ее слушается!» Так предстает специфический идиллический вариант **«конфронтационного мифа»** (столкновение природы и

³⁷ А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*, с. 205.

³⁸ М. Л. Жванецкий, *О. Утесову* [в:] Жванецкий М.М. Собрание произведений в 4-х томах, Том 2 (Семидесятые), Москва 2001, с. 23.

³⁹ Ф.Н.Глинка, *Письма русского офицера. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия*, Киев 1991, с. 211.

⁴⁰ Там же, с. 85.

культуры), который в русском Волинском тексте получит дальнейшее разностороннее развитие (например, в творчестве Александра Кондратьева и Льва Гомолицкого).

Насыщено реалиями волинского хронотопа и начало миниатюры Л. Гомолицкого «В дороге (Отрывок)»:

Мелькнуло лето ветром и дождями.
Нет, топкая Волянь не жалует его. Пригожей
осень ей задумчивыми снами, – и осенью
там тихо и тепло.
Дома скучились, спускаясь к Горыни;
разбросанные чахли тополя. Кудрявые сады,
желтеющие дыни и за воротами туман-
ные поля⁴¹.

В этом описании предстает тот же идиллический хронотоп с картинками природных красот и изобилия, встречающийся и в лирике Кондратьева, и в прозе Глинки. Мы встретим у Гомолицкого и иные приметы этой спокойной, привольной и обильной жизни: «стада пятнистые», «крик гусей», болото, которое «по бокам сребрилось паутиной, и на заре ковер ее сверкал».

Но в обоих текстах в идиллическую, сытную, привольную жизнь вторгается и беда (войны, революции и т.д.). Например, очерк Ф. Глинки о Волини открывается идиллическим описанием обильного волинского края («Места полистые; черная земля полна тука и силы производительной: тут растет дуб, ясень, орешник и пшеница родится обильно. Богатые жатвы волнуются на широких полях... <...> Как тихо плывут здесь полноводные реки!»)⁴². Однако идиллия внезапно прерывается: «Но от чего приметны, по местам, неровности? Что это за возвышения, не имеющие никакого правильного вида? Это развалины или следы развалин замков, окопов, батарей... Видно, война нередко гостила в этой стороне!»⁴³

В. Жаботинский в своем автобиографическом романе «Пятеро», говоря о событиях 1905 года, замечает:

Неуютно стало и вообще в Одессе. Я не узнавал нашего города, такого еще недавно легкого и беззлобного. Ненависть его наводнила, которой никогда, говорят, не знала до того метрополия мягкого нашего юга, созданная ладной и влюбленной хлопотнею, в течение века, четырех мировых рас. Вечно они ссорились и в голос ругали друг друга то жульем, то бестолочью, случалось и подраться; но за

⁴¹ Именно в «Миниатюрах» Гомолицкий нашел необычную индивидуальную манеру графической «квази-прозаической» записи стихотворных текстов.

⁴² http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0240oldorfo.shtml.

⁴³ Там же.

мою память не было настоящей волчьей вражды. Теперь это все переменялось. Исчез первый знак благоволения в человецех — исчезла южная привычка считать улицу домом. Теперь мы по улице ходили с опаской, ночью торопились и жались поближе к тени...⁴⁴

Впрочем, в целом подобные картины «неуютности» и «ненависти» не в состоянии разрушить привычной идиллии. Гармония непременно возвращается в хаос, который в произведениях как ОТ, так и ВТ ощущается лишь как временное неудобство. Вспомним описание Одессы времен гражданской войны в повести «Зеленый фургон» А. Козачинского («Три с лишним года Одессу окружала линия фронта. Фронт стал географическим понятием <... > Война вливалась в русла улиц. Каждая улица имела свое стратегическое лицо»⁴⁵) или же ламентации одесского аптекаря в «Интервенции» Льва Славина о «сумасшедшем времени», когда куда-то «девались старые, добрые болезни», а люди «перестали интересоваться своей мочой»⁴⁶.

2.2. Полиэтничность и полирелигиозность. И для ОТ, и для ВТ, как и для самих Одессы и Волыни, характерны проявления мультикультурности, полиэтничности, полирелигиозности, а также наличие специфического еврейского хронотопа. Владимир Жаботинский пишет в романе «Пятеро»: «... нет во всей России более яркой панорамы этого перерыва культурной преемственности, чем наша добрая веселая Одесса. Я не только о евреях говорю: то же с греками, с итальянцами, с поляками, даже с «русскими» – ведь и они, в массе, природные хохлы, только «пошлылись у кацапы»; но всего яснее, конечно, это сказалось на евреях. Оттуда, вероятно, и особая эта задорная искрометность здешней среды, над которой так смеется вся Россия и которую мы с вами так любим: так ведь нередко бывает, что эпохи развала устоев считаются эпохами блеска. Но оттуда же и жульничество наше, и ласковое отношение к вранью бытовому и торговому»⁴⁷.

Существование разных этносов поэтизирует (естественно, с изрядной долей иронии) Михаил Жванецкий: «Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, щелкают, посапывают, слушают ртом. Рты прекрасные – смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы»⁴⁸. По Жванецкому, все народы, населяющие Одессу, происходят от одной «мамы»: «евреи, русские, украинцы, греки,

⁴⁴ В. Жаботинский, *Пятеро*, <http://lib.ru/RUSSLIT/ZHABOTINSKIJ/pyatero.txt>.

⁴⁵ А. Козачинский, *Зеленый фургон* [в:] Красные дьяволята: П.А. Бляхин. Красные дьяволята: Повесть; А.В. Козачинский. Зеленый фургон: Повесть, Москва 2004, с. 180-181.

⁴⁶ Л. Славин, *Интервенция* // <http://odesskiy.com/interventsiya/kartina-vosmaja.html>.

⁴⁷ В. Жаботинский, *Пятеро* // <http://lib.ru/RUSSLIT/ZHABOTINSKIJ/pyatero.txt>.

⁴⁸ М. Жванецкий, *Год за два*, с. 15.

молдаване! Что у вас есть еще, кроме Одессы! Особенно в душе? Она – мама!»⁴⁹ «Материнский миф» Одессы неотделим от ее полиэтничности.

Федора Глинку также удивляла и умиляла особая атмосфера волынской *мультикультурности и религиозной терпимости*: «Народ должен быть набожный: часто встречаются красивые Кастёлы; по дорогам, на всех перекрестках, видишь резные деревянные изображения Святых или высокие кресты с Распятием. Нередко встречаешь две противоположности вместе: крест с Распятием и подле него – Жид!»⁵⁰. В мемуарном очерке Глинки впервые в Волынском тексте намечается его особый *еврейский хронотоп*, представленный впоследствии у таких писателей, как В. Короленко («Иом-Кипур» и «Братья Мендель»), А. Кондратьев («Ты знаешь край холмистый и счастливый»), И. Бабель («Конармия»), И. Кулиш («Что вы стоите с лопатой и ломом?»), Г. Мачтет («Жид»). Этот же хронотоп неотъемлем от ОТ («Гамбринус» А. Куприна, «Повелитель евреев» И. Ильфа, «Одесские рассказы» и «Закат» И. Бабея, «Время больших ожиданий» К. Паустовского, стихотворения Г. Шенгели, Э. Багрицкого, Б. Херсонского, рассказы и пьесы Г. Голубенко и В. Хаита).

Родившийся в губернском центре Волыни Житомире, в семье, в которой «мирно уживались <...> две религии, две национальности и три языка»⁵¹ (русский, украинский и польский), Владимир Короленко с самого рождения усвоил уроки национальной и религиозной терпимости, характерной в целом для волынского края. Именно в произведениях Короленко, относящихся к его ВТ, возникает *еврейская тема*, весьма важная для его творческой и правозащитной деятельности⁵². Намеченная в повести «В дурном обществе», она развивается в рассказе «Иом-Кипур». Характерно, что такие составляющие ВТ, как легендарность, мифологизм, интерес к народным верованиям, возникают в произведении, написанном на еврейском материале. В основу рассказа положена легенда о полупомешанном еврее Юдке, которого унес в ночь на Иом-Кипур «жидовский черт» Хапун, слышанная Короленко еще в детстве. Показательно, что эту же легенду писатель передает в очерке «Ночью» (налицо еще один близнечный текст в творчестве писателя). Однако, в

⁴⁹ М. Жванецкий, *Мы открываемся!* http://www.odessitclub.org/publications/won/won_jubilee/won_jubilee_5.htm

⁵⁰ http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0240oldorfo.shtml.

⁵¹ Мясотин В.А. *В.Г. Короленко*, Москва 1922, с. 4.

⁵² Реакцией на еврейские погромы 1881– 82 гг. явилось «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды» (1886), в котором Короленко выступил против толстовского «непротивленства» и в защиту «гневной чести» поработанных иудеев. В качестве журналиста Короленко присутствовал и на процессе Бейлиса. Его статьи, корреспонденции (полтора десятка) из зала суда появлялись в различных газетах. За статью «Господа присяжные заседатели», заключавшую указание на умышленный подбор присяжных, Короленко был предан суду по статье, грозившей ему заключением в крепости.

отличие от очерка, легенда предстала в рассказе в переработанном виде: в «Иом-Кипуре» подлинным «кровопийцей» становится кулак-украинец, занявший место шинкаря-еврея. Одним из первых в русской литературе и среди создателей ВТ Короленко воссоздает «особенный еврейско-русский воздух» (Довид Кнут).

Интересный пример этого же «воздуха» мы найдем в стихотворении Кондратьева «Ты знаешь край холмистый и счастливый...»: «Где яблук, груш, орехов, вишен, слив Полны сады, евреями хранимы». Лирический герой рассматривает себя как часть волынского мира (и текста), он уже не апеллирует к богам с мольбой о покровительстве даров этого мира, как в другом волынском стихотворении («Боги да хранят Твои орехи, яблони и сливы»). Ему вполне достаточно хранителей из мира среднего. Но, думается, недаром, именно евреи (а не, скажем, украинцы) представляют средний мир Волыни. Еврейский народ не только народ древний (древний, как и Волынь), не только «царство священников и народ святой» (Исход 19:6), не только народ-изгнанник. У Кондратьева – это и народ-хранитель. Народ, сохранивший в веках свою веру, традиции, идентичность, способен в кондратьевском мире сохранить и плоды того благословенного края, в который он ассимилируется.

2.3. Литературное мессианство. Еще один общий для ОТ и ВТ мотив – литературное мессианство. Творцы обоих сверткестов связывают надежды на литературное будущее и грядущее возрождение словесности именно с собственной средой, литературной школой, своим краем.

Виктор Шкловский в известном эссе «Юго-Запад» (1933) предрекал, что именно одесская («южно-русская») школа «будет иметь очень большое влияние на следующий сюжетный период советской литературы»⁵³. И творчество одесских авторов недаром рассматривается Шкловским как путь, служение: «Мне хотелось бы только, чтобы писатели полюбили свой путь, оценили его своеобразность, трудность, чтобы он был для них не только поводом для раскаяния, но и поводом для гордости»⁵⁴.

В XX веке начали проявляться почти религиозные (причем, не только иудейские) упования на литературное мессианство Одессы. То, что именно из Одессы должен прийти «литературный Мессия», говорит И. Бабель (очерки «Мои листки», «Одесса»):

думается мне, что должно прийти, и скоро, плодотворное, животворящее влияние русского юга, русской Одессы, может быть (*qui sait?*), единственного в России города, где может родиться так нужный нам, наш национальный

⁵³ Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: Статьи, воспоминания, эссе (1914–1933)*, Москва, 1990, с. 475.

⁵⁴ Там же, с. 474-475.

Мопассан...»; «Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда – из солнечных степей, обтекаемых морем»⁵⁵.

Характерным также является пророчество Бабеля, записанное Паустовским:

У нас в Одессе... не будет своих Киплингов. Мы мирные жизнелюбы. Но зато у нас будут свои Мопассаны. Потому что у нас много моря, солнца, красивых женщин и много пищи для размышлений. Мопассанов я вам гарантирую⁵⁶.

М. Жванецкий высказал (возможно кокетливо) фразу о том, что нет специального «одесского юмора, нет одесской литературы. Есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания»⁵⁷. В другом своем тексте он поясняет уникальность одесской словесности, также несколько снижая миф о ее литературном мессианстве: «Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать»⁵⁸.

Как ни парадоксально, но и в ВТ, несмотря на четкую авторефлексию собственной маргинальности и захолуности, возникает схожий миф о волинском литературном мессианстве. Его главным творцом является Лев Гомолицкий. В своих текстах второй половины 1930-х годов он сумел примирить волинскую «природу» и «культуру». Если Кондратьев сетовал на то, что его покинули «кастальские сестры», видеть которых мешают «высокие скирды», то Гомолицкий утверждает, что недалеко от кондратьевской усадьбы «есть зеленая площадка муз». Его стихотворная «Встреча» завершается убежденностью в том, что «нас сообщников союза Хранит таинственная муза». Даже в глуши, в состоянии затерянности и заброшенности, на лоне чарующей волинской природы живет культура, ибо дух дышит, где хочет.

⁵⁵ И. Э. Бабель, *Собрание сочинений в 4 томах*, Москва 2005, Т.1, с. 44, 48.

⁵⁶ Паустовский Константин. *Время больших ожиданий*, с.110.

⁵⁷ М. Жванецкий, *Год за два*, с. 19.

⁵⁸ Там же, с. 16. Любопытно сравнить высказывания М. Жванецкого с мыслями В. Жаботинского (роман «Пятеро»): «У людей, говорят, самое это имя Одесса — вроде как потешный анекдот. Я за это, собственно говоря, не в обиде: конечно, очень уж открывать им свою тоску не стоит, но за смешливое отношение к моей родине я не в обиде. Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любимо. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур всерьез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну мира сего: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга» (<http://lib.ru/RUSSLIT/ZHABOTINSKII/pyatero.txt>).

Вспоминая свою юность, проведенную в острожской глуши, Гомолицкий по-гоголевски вопрошает:

Знаете вы эти деревушки, несущие имена древних славянских божеств; овраги, где к копытам пасущихся коз скатываются ржавые тысячелетние черепа и мамонтов бивень прободал пласт мела; средневековые башни, слышавшие латинскую и греческую речь религиозных диспутов, стук гутенберговых машин и шелест первопечатных книг? Тут сама земля вслух философствует сама с собою и говорит стихами. Сколько было среди моих сверстников домашних философов, еретиков, героев духа, подвижников и поэтов! Поэтов больше всего⁵⁹.

А говоря о двух днях, проведенных им в Ровно, перед поездкой к Кондратьеву в Дорогобуж, утверждает: «В Ровно самый живой литературный кружок». Два дня, которые он провел у ровенской поэтессы Лидии Сеницкой, Гомолицкий именует «двумя «днями стихов» в поэтическом доме»: стихи в нем «пишут чуть ли не всей семьей – во всяком случае и мать и сын», а воздух здесь «лирико-дактилический». То, что музы обитают в захолустье, в «уездном городе Ровно», Гомолицкий подтверждает еще одной сентенцией своих «Провинциальных мыслей»: «Решать судьбы поэзии в Ровно! Что же, если там в «простоте речей» обитают «парнасски девушки», Музы. «Нечаянно стихи из разума не льются», и может быть наша далекая ровенская беседа была плодотворней монпарнасских диспутов, где вблизи не все представляется в настоящих размерах»⁶⁰. Так впервые в русской литературе ВТ литературное оправдание.

Хотелось бы предложить будущим исследователям еще несколько позиций, по которым можно было бы сопоставить ОТ и ВТ. Как нам кажется, любопытно сравнить литературное воплощение «хтонического мифа» в обоих свертках. В ОТ – это, безусловно, катакомбы (В. Катаев), в ВТ – подземелье у В. Короленко («В дурном обществе»). Плодотворным представляется также сопоставление карнавального героя (героя-трикстера), античного, христианского и славянского (языческого) хронотопа, криминального дискурса, специфики комического, языковых игр и т.д. Целесообразным является сравнение особенностей поэтики жанра, представленного в обоих текстах (рассказ, очерк, сонет, послание, историческая драма, трагикомедия и т.д.). Материал для сопоставления поистине неисчерпаем.

⁵⁹ Лев Гомолицкий, *Провинциальные мысли* [в:] Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации, Вып. 3, отв. ред. Е.М. Васильев, Ровно 2012, с. 261.

⁶⁰ Там же, с. 262.

Библиография

- Бабель И. Э. *Собрание сочинений в 4 томах*, Москва 2005, т.1, с. 58.
- Васильев Е.М. *В.Г. Короленко – творец Волынского текста в русской литературе* [в:] Наукові записки Полтавського літературно-меморіального музею В.Г.Короленко, Випуск 3, Полтава 2016, с. 17-33.
- Верникова Б. *Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому* [в:] http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_56/alm_56-241-252.pdf
- Глинка Ф. *Воспоминания*, http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0240oldorfo.shtml Глинка Ф. *Стихотворения*, Ленинград 1951, с. 126.
- Глинка Ф.Н. *Письма русского офицера. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия*, Киев 1991, с. 211.
- Гомолицкий Л. Н. *Сочинения русского периода*, В 3 т., под общей редакцией Л. Флейшмана, Т. 2, Москва 2011, с. 235.
- Гомолицкий Лев. *Провинциальные мысли* [в:] Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации, Вып. 3, отв. ред. Е.М. Васильев, Ровно 2012, с. 261
- Жаботинский В. *Пятеро* // <http://lib.ru/RUSSLIT/ZHABOTINSKIИ/pyatero.txt> Жванецкий М. *Год за два*, Ленинград 1991, с. 67.
- Жванецкий М. *Л.О. Утесову* [в:] Жванецкий М.М. Собрание произведений в 4-х томах, Том 2 (Семидесятые), Москва 2001, с. 23.
- Жванецкий М. *Мы открываемся!* [в:] http://www.odessitclub.org/publications/won/won_jubilee/won_jubilee_5.htm
- Катаев В. *Белеет парус одинокий* [в:] Катаев В.Б. Собрание сочинений в 10 томах, Том 4, Москва 1984, с. 13-14.
- Кесельман Семен. *Стеклоплавильные сны*, Одесса, 2013, 236 с.
- Козачинский А. *Зеленый фургон* [в:] Красные дьяволята: П.А. Бляхин. Красные дьяволята: Повесть; А.В. Козачинский. Зеленый фургон: Повесть, Москва 2004, с. 180-181.
- Кондратьев А. *Боги минувших времен*, Москва 2001, с. 171.
- Короленко В.Г. *Собрание сочинений в пяти томах*, Т. 4, Ленинград 1990, с. 143.
- Короленко В.Г. *Собрание сочинений в шести томах*, Т. 4, Москва 1971, с. 5.
- Кулиш-Лукашевич И.В. *Поиски и находки. Из истории русского движения на Волыни 20-30-х гг. XX в.*, 2010, с. 215.
- Мякотин В.А. *В.Г. Короленко*, Москва 1922, с. 4.
- *Образ Одессы: от литературной к криминальной?* Беседа с Анной Мисюк [в:] <http://moryakukrainy.livejournal.com/606742.html>
- Оленин К. *Несколько слов*, Сарны – Ровно 1939, с. 7.
- Оляндер Л. *Василь Славчук і Волинський текст* // Studia methodologica: наук. зб., гол. ред. Р. Гром'як, Тернопіль 2007, Вип. 19, с. 265-271.
- Оляндер Л. *Волинський текст у термінологічній системі: принципові риси і художньо-естетична своєрідність* [в:] Проблеми славістики: наук. часопис, голов. ред. В. С. Зубович, Луцьк 2005, Чис. 1 (4), с. 17-21;
- Оляндер Л. *Леся Українка і волинський текст* [в:] Леся Українка і сучасність: зб. наук. пр.; редкол.: М. Г. Жулинський [та ін.], Луцьк, 2006. Т. 5, с. 186–195; Оляндер Л. *Драматичні поеми Йосипа Струцюка «Роман» і «Романовичі» та Волинський текст* [в:] Вісник Житомирського державного університету ім. І.Я. Франка, Вип. 30, Житомир 2006, с. 120-123.
- Оляндер Л.К. *Волинський текст в українській та польській літературах (XIX–XX ст.)*, Луцьк 2008, 250 с.
- Оляндер Л.К. *Демоніологічний роман О. Кондратьєва «На берегах Ярини» і Волинський текст* [в:] Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации: [сборник];

- отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно 2008, с. 8–13; Jewgienij Wasiljew. *Tekst wołyński w literaturze rosyjskiej XIX-XX wieku* [w] *Tekstualia. Palimpsesty Literackie Artystyczne Naukowe*, Warszawa 2013, № 2 (33), s. 5-28.
- Паустовский Константин. *Время больших ожиданий* [в:] Паустовский К.Г. Книга скитаний, Кишинев 1979, с. 21-22.
 - Пушкин А.С. *Евгений Онегин* [в:] Полное собрание сочинений в 10 томах, т.5, Москва-Ленинград, с. 204.
 - Славин Л. *Интервенция* <http://odesskiy.com/interventsiya/kartina-vosmaja.html> Хлебников Велимир. *Творения*, Москва 1986, с. 641.
 - Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: Статьи, воспоминания, эссе (1914–1933)*, Москва 1990, с. 475.
 - Эренбург И. *Одесса* [в:] Красная звезда, 1942, 9 августа // <http://mywebs.su/blog/history/28687/>

Eugene Vasilyev

Zhytomyr Ivan Franko University

THE ODESSA TEXT AND THE VOLYN TEXT OF 19th – 20th CENTURY RUSSIAN LITERATURE: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Summary

The article deals with the comparison of the Odessa and the Volyn texts. According to the analysis of numerous works of XIX - XX centuries Russian literature, the texts have both sharp differences and undeniable similarities. The opposition „ancient – modern” separates them. If the representatives of the Volyn text often turn to a solid history of the region, creating a peculiar historical chronotope (F. Glinka, I. Kulish), the Odessa writers perceive their city as a purely modern (Pushkin, Olesha). Both texts are also divided by the opposition „wilderness – fuss”. The novelty awareness, openness, modernity, vibrant bustling and adventurous life are inherent for the Odessa text. The Volyn text is characterized by a sense of wilderness, outback, detachment from cultural centres, and among the main reasons for the latter are boondocks, deeply provincial, „island” life, which is not intended for the high life of the spirit. The wilderness chronotope and ruins topos (V. Korolenko, K. Olenin) arise in it.

The sea topos in the Odessa text and the river topos in the Volyn text are the major toposes of the two texts. The sea in the Odessa text is beautiful and vast, noisy and fragrant, colorful and changeable, diverse and incomprehensible (Kataev, Paustovsky), it is connected with the theme of travelling and romantic adventures (Babel, Olesha), motifs of purity (Kataev) and freedom (Zhvanetskiy). The river in the Volyn text can be not only powerful, beautiful and affluent (the Goryn in Kondratyev works), but not related to the flow of life (Korolenko). The river is also a part of a negative and gloomy landscape paintings (Gomolitsky).

Similar images of provincial idyll, natural and material abundance, peace, satiety are common to both texts. They are united by a peculiar idyllic chronotope (Glinka, Gomolitsky, Jabotinsky, Zhvanetskiy). Troubles (war, revolution, etc.) invade the idyllic, nourishing, free life in both texts. However, they are not able to destroy the usual idyll. Harmony will certainly return to the chaos that is felt only as a temporary inconvenience in the works of the two texts (Paustovsky, Kozachinsky Slavin).

The Odessa and the Volyn texts (as well as Odessa and Volyn themselves) are characterized by multi-ethnicity and multi-religious manifestations. Specific Jewish chronotope (Korolenko, Kuprin, Ilf, Bagritsky) is peculiar to them. Fyodor Glinka was surprised and moved by the special

atmosphere of the Volyn multiculturalism and religious tolerance. Jabotinsky and Zhvanetskiy poeticize the coexistence of different ethnic groups.

Finally, a motif of literary messianism is common to two texts. Creators of both texts pin their hopes for the future literary revival with its own environment, literary school, its region. (Babel in the Odessa text Gomolitsky in the Volyn text).

Key words: the Odessa text, the Volyn text, binary oppositions, chronotope, topos, idyllic chronotope, multi-ethnicity, literary messianism.

Ключевые слова: Одесский текст, Волынский текст, бинарные оппозиции, хронотоп, топос, идиллический хронотоп, полиэтничность, литературное мессианство.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры германской филологии и зарубежной литературы Житомирского государственного университета имени И. Я. Франка.

Основные направления научной деятельности: теория драмы, история зарубежной драматургии и театра XX – XXI столетия, генеалогия, Волынский текст в русской литературе XIX – XX столетия.

Кандидатская диссертация: «Драматургия парадокса: проблемы типологии» (1998).

Учебная деятельность: теория литературы, история зарубежной литературы XIX – XX ст., история зарубежного театра.

Научные труды: Автор более 180 научных и научно-методических трудов, в частности соавтор учебников для высших учебных заведений «Загальне літературознавство» (Рівне, 1997) и «Теорія літератури» (Київ: Либідь, 2001, 2004, 2006, 2008), школьных учебников «Зарубіжна література. 11 клас: Підручник» (Тернопіль: Навчальна книга - Богдан, 2004) и «Зарубіжна література. 11 клас. Посібник-хрестоматія» (Тернопіль: Підручники і посібники, 2002), автором учебного пособия «Франц Кафка. Новела «Перевтілення» та інші твори» (Харків: Ранок, 2002), более тридцати статей к изданию «Зарубіжні письменники. Енциклопедичний довідник. У 2 томах» (Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2005 – 2006), ряда научных статей опубликованных в специализированных изданиях Украины, Польши, Чехии, Российской Федерации, США.